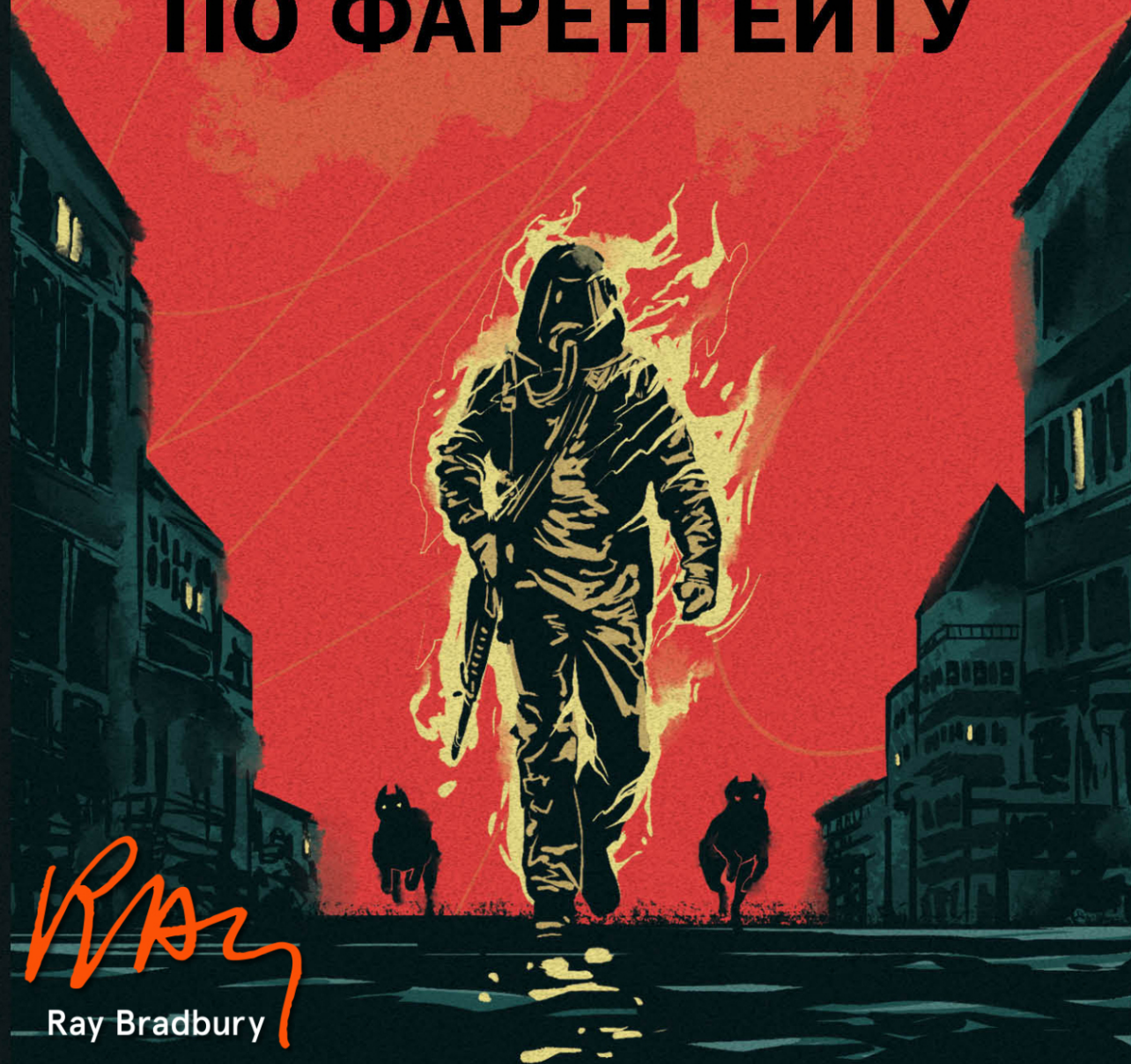

Р Э Й
БРЭДБЕРИ

**451°
ПО ФАРЕНГЕЙТУ**

**«ШЕДЕВР, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН ПРОЧЕСТЬ
КАЖДЫЙ» — ЭЛИС ХОФФМАН**

Рэй Брэдбери
451 градус по Фаренгейту

«ЭКСМО»

1951, 1953, 1967

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Брэдбери Р. Д.

451 градус по Фаренгейту / Р. Д. Брэдбери — «Эксмо», 1951,
1953, 1967

ISBN 978-5-04-102293-8

451° по Фаренгейту — температура, при которой воспламеняется и горит бумага. Философская антиутопия Брэдбери рисует беспросветную картину развития постиндустриального общества: это мир будущего, в котором все письменные издания безжалостно уничтожаются специальным отрядом пожарных, а хранение книг преследуется по закону, интерактивное телевидение успешно служит всеобщему оболваниванию, карательная психиатрия решительно разбирается с редкими инакомыслящими, а на охоту за неисправимыми диссидентами выходит электрический пес... Роман, принесший своему творцу мировую известность. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-102293-8

© Брэдбери Р. Д., 1951, 1953, 1967
© Эксмо, 1951, 1953, 1967

Содержание

Часть первая. Домашний очаг и саламандра	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рэй Брэдбери 451° по Фаренгейту

Ray Bradbury
Fahrenheit 451

© 1951, 1953, 1967 by Ray Bradbury. Copyright renewed 1979, 1981, 1995 by Ray Bradbury

© Бабенко В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*451° по Фаренгейту¹ – температура, при которой книжные
страницы воспламеняются и сгорают дотла...*

Эта книга с благодарностью посвящается Дону Конгдону

*Если тебе дали разлинованную бумагу, пиши по-своему.
Хуан Рамон Хименес²*

¹ 233°C. (Здесь и далее – прим. перев.)

² Хименес, Хуан Рамон (1881–1958), испанский поэт, лауреат Нобелевской премии (1956).

Часть первая. Домашний очаг и саламандра

Жечь было удовольствием.

А особым удовольствием было смотреть, как огонь поедает вещи, наблюдать, как они чернеют и меняются. В кулаках зажат медный наконечник, гигантский питон плюется на мир ядовитым керосином, в висках стучит кровь, и руки кажутся руками паразитического дирижера, управляющего сразу всеми симфониями возжигания и испепеления, чтобы низвергнуть историю и оставить от нее обуглившиеся руины. Шлем с символическим числом 451 крепко сидит на крутом лбу; в глазах оранжевым пламенем полыхает предвкушение того, что сейчас произойдет, он щелкает зажигателем, и весь дом прыгает вверх, пожираемый огнем, который опалает вечернее небо и окрашивает его в красно-желто-черный цвет. Он идет в рое огненных светляков. Больше всего ему сейчас хочется сделать то, чем он любил забавляться в давние времена: ткнуть в огонь палочку со сладким суфле маршмэллоу, пока книги, хлопая голубиными крыльями страниц, гибнут на крыльце и на газоне перед домом. Пока они в искрящемся вихре взмывают ввысь и уносятся прочь, гонимые черным от пепла ветром.

На лице Монтага играла жесткая ухмылка – она возникает у каждого, кто, опаленный жаром, отшатывается от пламени.

Монтаг знал, что, вернувшись на пожарную станцию, захочет взглянуть в зеркало и подмигнуть себе – комедианту с выкрашенным под негра, словно жженой коркой, лицом. И затем в темноте, уже засыпая, он все еще будет ощущать огненную ухмылку, скованную мускулами щек. Сколько Монтаг себя помнил, она никогда не сходила с его лица.

Он повесил свой черный, с жучьим отливом, шлем и протер его до блеска; затем аккуратно повесил огнеупорную куртку. С наслаждением помылся под душем, после чего, насвистывая, руки в карманах, прошагал по верхнему этажу пожарной станции и бросился в черный провал. В самую последнюю секунду, когда несчастье казалось уже неминуемым, он вытащил руки из карманов, обхватил золотой шест и прервал падение. Его тело с визгом остановилось, каблуки зависли в дюйме от бетонного пола нижнего этажа.

Выйдя со станции, он прошел по ночной улице к метро, сел в бесшумный пневматический поезд, скользивший по хорошо смазанной трубе подземного тоннеля, а затем упругая волна теплого воздуха выдохнула Монтага на кремовые ступеньки эскалатора, поднимавшиеся к поверхности пригорода.

Продолжая насвистывать, он позволил эскалатору вынести себя в неподвижный ночной воздух. Ни о чем особенном не думая, Монтаг зашагал к повороту. Еще не успев к нему приблизиться, он замедлил шаг, словно откуда ни возьмись поднялся вдруг встречный ветер или кто-то окликнул его по имени.

Уже не в первый раз за последние несколько дней, подходя в звездном свете к повороту тротуара, за которым скрывался его дом, Монтаг испытывал это неясное тревожное чувство. Словно за углом, который ему надо было обогнуть, за миг до его появления кто-то побывал. В воздухе, казалось, царила особенная тишина, будто там, впереди, кто-то ждал Монтага, и всего за какое-то мгновение до встречи этот кто-то обращался в бесшумную тень, с тем чтобы пропустить Монтага сквозь себя. Не исключено, что его ноздри улавливали слабый запах духов, а может быть, кожей лица и тыльной стороны ладоней он именно в этом месте ощущал некое потепление воздуха, ибо невидимка одним своим присутствием мог на пять-шесть градусов поднять температуру окружающей его атмосферы, пусть даже всего на несколько мгновений. Понять, в чем тут дело, было невозможно. Тем не менее, завернув за угол, Монтаг неизменно видел одни лишь белые горящиеся плиты пустынного тротуара, и только однажды ему поме-

решилось, будто чья-то легкая тень, скользнув по газону перед одним из домов, исчезла чуть раньше, чем ему удалось взглянуться или подать голос.

Однако сегодня перед поворотом он так замедлил шаг, что почти остановился. В мыслях своих он был уже за углом, поэтому сумел уловить слабый, еле слышный шепот. Чье-то дыхание? Или всего-навсего напряжение воздуха, вызванное присутствием того, кто тихо стоял там, поджидая его?

Монтаг завернул за угол.

По тротуару, залитому лунным светом, ветер гнал осеннюю листву, и со стороны казалось, будто идущая впереди девушка, не совершая никаких движений, плывет над тротуаром, подхваченная этим ветром вместе с листьями. Чуть наклонив голову, она смотрела, как носки ее туфель прорезают кружащуюся листву. В тонком, молочно-белом лице таилась тихая жадность впечатлений, бросавшая на все вокруг свет неуголимого любопытства. Взгляд ее был полон нежного недоумения: черные глаза взирали на мир с такой пытливостью, что от них не мог ускользнуть даже малейший жест. Белое платье будто шептало что-то. Монтагу показалось, что он слышит, как в такт шагам покачиваются руки; он даже различил почти неуловимый звук – то был светлый трепет девичьего лица, когда она, обернувшись, увидела, что ее и мужчину, застывшего в ожидании посреди дороги, разделяют всего несколько шагов.

В кронах деревьев над их головами раздавался чудесный звук – словно сухой дождь пронизывал листву. Остановившись, девушка шевельнулась, как бы желая податься назад от удивления, но вместо этого принялась внимательно разглядывать Монтага черными сияющими глазами, будто он только что обратился к ней с какими-то особенно проникновенными словами. Между тем он твердо знал, что его губы произнесли всего-навсего обыкновенное приветствие. Затем, увидев, что девушка, словно замороженная, не может оторвать взгляда от рукава его куртки с изображением саламандры и диска с фениксом на груди, он заговорил снова.

– Конечно же, – сказал Монтаг, – вы наша новая соседка, не правда ли?

– А вы, надо полагать... – она все же сумела отвести глаза от его профессиональных эмблем, – ...пожарный?

Девушка тут же умолкла.

– Как странно вы это сказали.

– Я бы... я бы догадалась об этом и с закрытыми глазами, – медленно произнесла девушка.

– Что, запах керосина? Моя жена вечно жалуется, – рассмеялся он. – Сколько ни мойся, до конца ни за что не выветрится.

– Да, не выветрится, – сказала она с благоговейным ужасом.

Монтаг чувствовал, как девушка кружит вокруг него, вертя во все стороны, и легонько встряхивает, выворачивая все его карманы, ни разу к ним не прикоснувшись.

– Керосин, – сказал он, чтобы молчание не затягивалось еще больше, – для меня это все равно что духи.

– В самом деле?

– Конечно. Что тут такого?

Она задумалась, прежде чем ответить.

– Не знаю. – Девушка обернулась в сторону домов, к которым вел тротуар. – А можно мне пойти с вами? Меня зовут Кларисса Макклеллан.

– Кларисса. Гай Монтаг. Будем знакомы. Присоединяйтесь ко мне. Так поздно, а вы бродите одна. Что вы здесь делаете, хотел бы я знать? И сколько вам лет?

Они пошли вместе по серебристой от лунного света мостовой, обвеваемые прохладно-теплым воздухом этой ночи, в котором, казалось, реяли тончайшие ароматы свежих абрикосов и земляники. И только оглянувшись вокруг, Монтаг понял, что это попросту невозможно: время года было позднее.

А рядом никого, кроме этой девушки, чье лицо в лунном свете белело, как снег, и он знал, что сейчас она обдумывает, как лучше ответить на заданные им вопросы.

– Ну так вот, – начала Кларисса, – мне семнадцать лет, и я сумасшедшая. Мой дядя уверяет, что и то и другое неразрывно связано. И еще он говорит: если тебя спросят, сколько тебе лет, то всегда отвечай, что тебе семнадцать и ты сумасшедшая. А хорошо гулять ночью, правда? Обожаю смотреть на мир, вдыхать его запахи. Иногда я брожу до самого утра, чтобы встретить восход солнца.

Некоторое время они шагали молча. Потом она задумчиво произнесла:

– Вы знаете, я совсем вас не боюсь.

– Почему, собственно, вы должны меня бояться? – удивился он.

– Но многие же боятся. То есть, я хочу сказать, не вас, а вообще пожарных. Ведь вы просто-напросто обыкновенный человек, в конце-то концов...

В ее глазах он увидел себя, висящего в двух сверкающих капельках ясной воды, темного и крохотного, но тем не менее различного во всех мельчайших подробностях, вплоть до складок в уголках рта, словно глаза эти были двумя чудесными кусочками фиолетового янтаря, в которых он мог застыть и навсегда сохраниться в целости и сохранности. Обращенное сейчас к нему лицо было хрупким молочно-белым кристаллом, из которого исходило мягкое ровное свечение. Оно не имело ничего общего с истеричным электрическим светом, но с чем же тогда его можно было сравнить? Он понял: с мерцанием свечи, странно успокаивающим и удивительно нежным. Когда-то – он был еще ребенком – у них в доме отключили свет, и матери удалось отыскать последнюю свечу; она зажгла ее, и за этот короткий час совершилось поразительное открытие: пространство потеряло всю свою огромность и уютно сомкнулось вокруг них, вокруг матери и сына, преображенных и мечтающих лишь о том, чтобы электричество не загоралось как можно дольше...

Неожиданно Кларисса Макклеллан сказала:

– **Можно задать вам вопрос? Вы давно работаете пожарным?**

– **С тех пор, как мне исполнилось двадцать. Вот уже десять лет.**

– **А вы хоть раз читали те книги, которые сжигаете?**

Он рассмеялся:

– **Но это же запрещено законом!**

– Да-да, конечно.

– В нашей работе есть свои тонкости. В понедельник сжигаешь По, во вторник – Войнич, в четверг – Честертон, сжигаешь их до пепла, потом сжигаешь пепел. Таков наш официальный девиз.

Они прошли еще немного, и девушка спросила:

– А это правда, что когда-то давно пожарные *тушили* пожары вместо того, чтобы их разжигать?

– Нет. Дома всегда были огнеупорными, можете мне поверить.

– Странно. Я как-то слышала, что было такое время, когда дома загорались из-за всяких несчастных случаев, и приходилось вызывать пожарных, чтобы остановить пламя.

Он рассмеялся.

Девушка бросила на него быстрый взгляд.

– Почему вы смеетесь?

– Не знаю, – снова засмеялся он и тут же осекся. – А что?

– Вы смеетесь, хотя я не говорю ничего смешного, и отвечаете на все мои вопросы мгновенно. Ни разу даже не задумались над тем, что я спрашиваю.

Монтаж остановился.

– А вы и *на самом деле* очень странная, – произнес он, глядя на Клариссу в упор. – У вас что, вообще нет уважения к собеседнику?

– Я не хотела вас обидеть. Все дело, наверное, в том, что я слишком уж люблю приглядываться к людям.

– А это вам *ни о чем* не говорит? – Монтэг слегка постучал пальцами по цифрам 4, 5 и 1, вышитым на рукаве его угольно-черной куртки.

– Говорит, – прошептала она в ответ, ускоряя шаг. – Вы когда-нибудь бывали на гонках реактивных автомобилей, которые проводятся там, на бульварах?

– Уходите от разговора?

– Иногда мне кажется, что их водители просто не имеют представления о таких вещах, как трава или цветы, потому что никогда не ездят медленно, – произнесла она. – Покажите такому водителю зеленое пятно – и он скажет: «Да, это трава!» Розовое пятно – «Это розарий!». Белые пятна будут домами, коричневые – коровами. Мой дядя как-то раз решил проехать по скоростному шоссе медленно. Он делал не больше сорока миль в час – его тут же арестовали и посадили в тюрьму на двое суток. Смешно, да? Но и грустно.

– Вы чересчур много думаете, – смущенно заметил Монтэг.

– **Я редко смотрю «телестены» в гостиных, почти не бываю на автогонках или в Парках Развлечений. Оттого у меня и остается время для всевозможных бредовых мыслей.** Вы видели вдоль шоссе за городом двухсотфутовые рекламные щиты? А известно вам, что было время, когда они были длиной всего двадцать футов? Но автомобили стали ездить с бешеной скоростью, и щиты пришлось наращивать, чтобы изображение хотя бы длилось какое-то время.

– Нет, я этого не знал, – хохотнул Монтэг.

– Держу пари, я знаю еще кое-что, чего вы не знаете. Например, что по утрам на траве лежит роса...

Он внезапно понял, что не может вспомнить, представлял ли себе когда-либо что-то подобное или нет, и это привело его в раздражение.

– А если посмотреть вверх... – Кларисса кивнула на небо, – то можно увидеть человечка на луне.

Ему уже давно не случалось туда глядеть.

Оставшуюся часть пути оба проделали в молчании: она – в задумчивом, он – в тягостном; стиснув зубы, он то и дело бросал на девушку укоризненные взгляды.

Когда они подошли к ее дому, все окна были ярко освещены.

– Что здесь происходит? – Монтэгу не так уж часто доводилось видеть, чтобы в доме было столь много огней.

– Ничего особенного. **Просто мама, папа и дядя сидят и беседуют. Сейчас это такая же редкость, как ходить пешком. Даже еще реже встречается.** Между прочим, мой дядя попал под арест вторично – я вам этого не говорила? За то, что он шел пешком! О, мы *весьма* странные люди.

– И о чем же вы *беседуете*?

В ответ девушка рассмеялась.

– Спокойной ночи! – попрощалась она и зашагала к дому. Но потом вдруг остановилась, словно вспомнив о чем-то, и снова подошла к Монтэгу, с удивлением и любопытством глядя в его лицо.

– Вы счастливы? – спросила Кларисса.

– Что-что? – воскликнул Монтэг.

Но ее уже не было рядом – она бежала к дому в лунном свете. Парадная дверь тихонько затворилась.

– Счастлив ли я? Что за чушь такая!

Монтэг перестал смеяться.

Он сунул руку в перчаточное отверстие своей парадной двери и дал возможность дому узнать прикосновение хозяина. Двери раздвинулись.

«Конечно, счастлив, как же иначе? – спрашивал он у молчаливых комнат. – А она, значит, думает, что нет?»

В прихожей его взгляд упал на вентиляционную решетку. И Монтэг тут же вспомнил, что за ней хранится. Казалось, спрятанное подглядывает за ним. Он быстро отвел глаза.

Какая странная встреча в эту странную ночь! В жизни не случилось с ним ничего похожего – разве что тогда в парке, год назад, когда он встретил днем одного старика и они неожиданно разговорились...

Монтэг тряхнул головой. Он посмотрел на пустую стену. Там появилось лицо девушки, в памяти оно запечатлелось просто прекрасным, да что там – поразительным.

Лицо было таким тонким, что напоминало циферблат маленьких часов, слабо светящихся в ночной темноте комнаты, когда, проснувшись, хочешь узнать время и обнаруживаешь, что стрелки в точности показывают тебе час, минуту и секунду, и это светлое молчаливое сияние спокойно и уверенно свидетельствует: да, скоро станет еще темнее, но все равно в мире взойдет новое солнце.

– *Ну что?* – обратился Монтэг к своему второму «я», этому подсознательному идиоту, который по временам вдруг выходил из повиновения и принимался болтать невесть что, вопреки воле, привычке и рассудку.

Он снова посмотрел на стену. До чего же, подумалось, ее лицо напоминает зеркало. Невежливо! Ну многих ли ты еще знаешь, кто вот так же мог бы возвращать тебе твой собственный свет? В общем-то люди скорее похожи... – он замешкался в поисках подходящего сравнения и нашел его в своей профессии, – ...похожи на факелы, которые полыхают до тех пор, пока их не потушат. И крайне редко на лице другого случается увидеть отображение твоего же лица, печать твоей собственной сокровенной, трепетной мысли!

До чего же потрясающая сила проникновения в людскую душу у этой девушки! Она смотрела на него, как смотрит зачарованный зритель в театре марионеток, словно предвосхищая каждый взмах его ресниц, каждый жест руки, каждое шевеление пальцев.

Сколько времени они шли вместе? Три минуты? Пять? Но каким же долгим казался этот срок теперь. Каким величественным персонажем она казалась на сцене перед ним, какую гигантскую тень отбрасывала на стену ее изящная фигурка! Монтэг чувствовал: стоит его глазу зачесаться – она моргнет. А если исподволь станут растягиваться мускулы его лица – она зевнет задолго до того, как это сделает он сам.

Слушайте, подумалось ему, ведь если здраво рассудить о нашей встрече, так ведь она почти что ждала меня там, на улице, да еще в такой чертовски поздний час...

Он открыл дверь спальни.

И тут же словно попал в холодный мраморный зал мавзолея после того, как зашла луна. Тьма была непроницаемой: ни намек на серебряный простор снаружи, все окна плотно зашторены, комната была кладбищенским мирком, в который не проникало ни единого звука большого города. Но спальня не была пустой.

Монтэг прислушался.

Едва различимый комариный звон танцевал в воздухе, электрическое жужжание осы, затаившейся в своем укромном, теплом розовом гнездышке. Музыка звучала достаточно громко, он мог даже разобрать мелодию.

Монтэг ощутил, как улыбка соскользнула с его лица, свернулась и отпала, словно жировая пленка, стекла, как капли воска с фантастической свечи, которая горела слишком долго и, скособочившись, погасла. Темнота. **«Нет, – сказал он самому себе, – я не счастлив. Не счастлив...»** Это было правдой, и он должен ее признать. Свое счастье он носил как

маску, но девушка схватила ее и умчалась по газону, и теперь уж невозможно постучаться в двери ее дома и попросить эту маску назад.

Не зажигая света, он постарался представить себе, как будет выглядеть комната. Его жена, распростершаяся на кровати, холодная, не укрытая одеялом, как труп, вываленный на крышку могилы, застывшие глаза прикованы к потолку, будто соединены с ним незримыми стальными нитями. А в ушах – маленькие «ракушки», крохотные, не больше наперстка, плотно сидящие радиоприемники, и электронный океан звуков – музыка, разговоры, музыка, разговоры, – волны которого накатываются и отступают и снова накатываются на берега ее бодрствующего сознания. Нет, комната все-таки пуста. Каждую ночь в нее врывались эти волны звуков, чтобы подхватить Милдред, унести в самый центр океана, туда, где несут свои воды великие течения, и качать там ее, лежащую с широко открытыми глазами, до самого утра. За последние два года не было ни единой ночи, когда бы она не купалась в этом море, каждый раз с новой радостью погружаясь в звуковые струи, и еще, и еще...

В комнате было холодно, но тем не менее Монтаг чувствовал, что не может дышать. Однако у него не было желания отдернуть шторы и распахнуть высокие окна: он не хотел, чтобы в спальню проник свет луны. С чувством обреченности, как у человека, которому предстоит через час умереть от удушья, он ощупью направился к своей собственной разостланной кровати, отдельной, а потому и холодной. За миг до того, как его нога ударилась о лежавший на полу предмет, он уже знал, что непременно споткнется. Чувство это было сродни тому, которое он испытал, когда, еще не свернув за угол, внезапно понял, что в следующую секунду едва не собьет с ног стоявшую там девушку. Его нога своим движением вызвала вибрацию воздуха, а в ответ получила сигнал, отраженный от лежавшего на пути препятствия. Он пнул предмет, и тот с глухим звяканьем отлетел в темноту.

Некоторое время Монтаг, выпрямившись, стоял в молчании, прислушиваясь к той, что лежала на темной кровати в кромешной ночи. Дыхание, выходившее из ноздрей, было столь слабым, что могло пошевелить лишь малейшие формы жизни – крохотный лист, черное перышко, завитушку волоска.

Он все еще не хотел, чтобы в комнату проник свет с улицы. Вытащив зажигатель, он нащупал саламандру, выгравированную на серебряном диске приборчика, шелкнул...

Два лунных камня глядели на него в свете маленького прирученного огня; два бледных лунных камня на дне прозрачного ручья – поверх, не смачивая их, текла жизнь этого мира.

– Милдред!

Лицо ее казалось заснеженным островом, над которым мог пролиться дождь, но она не почувствовала бы дождя; могла промчаться облачная тень, но она не почувствовала бы и тени. Ничего вокруг, только пение осиных наперстков, плотно затыкающих уши, остекленевшие глаза и мягкое, слабое шевеление воздуха, входящего в ноздри и выходящего из них, но ей и дела нет, то ли он сначала входит, а потом выходит, то ли наоборот.

Предмет, который Монтаг отшвырнул ногой, теперь тускло поблескивал под краешком его кровати. Небольшой хрустальный флакончик с таблетками снотворного – еще утром в нем было тридцать капсул, сейчас же он лежал без крышки и, как было видно в свете крохотного огонька, пустой.

Внезапно небо над домом взревело. Раздался невероятный треск, будто две гигантские руки разорвали по шву десять тысяч миль черной парусины. Монтаг словно раскололся пополам. Ему показалось, что его грудь рассекли топором сверху донизу и развалили на две части. Над крышами мчались, мчались, мчались реактивные бомбардировщики, один за другим, один за другим, шесть, девять, двенадцать, один, и один, и еще один, и второй, и второй, и третий, и не нужно было визжать – весь визг исходил от них. Монтаг открыл рот, истошный рев ворвался внутрь и вышел сквозь оскаленные зубы. Дом сотряснулся. Огонек в его ладони погас. Лунные камни исчезли. Рука сама рванулась к телефону.

Самолеты сгнули. Он ощутил, как шевелятся его губы, касаясь телефонной трубки:

– Больницу «Скорой помощи»...

Страшный шепот...

Ему показалось, что звезды в небе от рева черных самолетов обратились в мельчайшую пыль, и завтра утром вся земля будет усыпана ею, будто нездешним снегом. Эта идиотская мысль не покидала его, пока он, дрожа, стоял в темноте возле телефона и беззвучно шевелил, шевелил, шевелил губами.

Они привезли с собой эту свою машину. По сути, машин было две. Одна из них устремлялась в желудок, словно черная кобра на дно гулкого колодца, и принималась искать там застойную воду и темное прошлое. Она вбирала в себя зеленую жижу, и та, медленно кипя, поднималась наверх. Выпивала ли она при этом и весь мрак? И все яды, скопившиеся в человеке за годы? Машина молча кормилась жижей, лишь время от времени раздавался булькающий звук, словно она захлебывалась, шаря в потемках. Впрочем, у нее был Глаз. Бесстрастный оператор, надев специальный оптический шлем, мог заглянуть в душу того, из кого выкачивал содержимое внутренностей. И что же видел Глаз? Об этом оператор ничего не мог сказать. Он смотрел, но не видел того, что Глаз узревал внутри. Вся операция походила на рытье канавы во дворе. Женщина на кровати была не более чем твердым мраморным пластом, до которого они случайно докопались. Ну так что? Долбите дальше, глубже опускайте бур, высасывайте пустоту, если, конечно, дергающаяся сосущая змея способна поднять такую вещь, как пустота, на поверхность. Оператор стоял и курил сигарету. Вторая машина работала тоже.

Ею управлял точно такой же бесстрастный оператор в немарком красновато-коричневом комбинезоне.

Эта машина занималась тем, что выкачивала из организма старую кровь, заменяя ее новой кровью и сывороткой.

– Приходится чистить их сразу двумя способами, – сказал оператор, стоя над безмолвной женщиной. – Заниматься желудком бесполезно, если при этом не очищать и кровь. Оставишь эту дрянь в крови, а кровь, как молоточек, бах-бах-бах, ударит в голову пару тысяч раз, и мозг сдастся, был мозг – и нет его.

– Хватит! – вскричал Монтаг.

– Ну уж, двух слов сказать нельзя, – ответил оператор.

– Закончили? – спросил Монтаг.

Они тщательно перекрыли вентили машин.

– Закончили.

Их ни капельки не тронул его гнев. Оба стояли и курили, завитки сигаретного дыма лезли им в носы и глаза, но они даже ни разу не моргнули и не поморщились.

– С вас пятьдесят долларов.

– Сказали бы сначала, будет она в порядке или нет?

– Конечно, будет. Вся гадость, что в ней была, теперь вот тут, в чемоданчике. Она ей больше не грозит. Я же говорил: старое берем, новое вливаем – и порядок.

– Но вы же не врачи! Почему они не прислали со «Скорой» врача?

– Черт подери! – Сигарета во рту оператора дернулась. – Да у нас за ночь по девять-десять таких вызовов. Вот уже несколько лет как это тянется, даже специальные машины пришлось сконструировать. Конечно, новинка там одна – оптическая линза, все остальное старое. Зачем еще нужен врач? Все, что требуется, – это двое умельцев, и через полчаса никаких проблем. Послушайте, – сказал он, направляясь к двери, – нам надо спешить. Наперсток в ухе говорит, что поступил новый вызов. В десяти кварталах от вас кто-то еще всыпал в себя флакон снотворного. Звоните нам, если что. Обеспечьте вашей жене покой. Мы ввели ей возбуждающее. Учтите, проснется голодной. Пока...

И мужчины с сигаретами в уголках плотно сжатых губ, мужчины с глазами африканских гадюк, плюющих ядом, подхватили свои машины, забрали шланг, чемоданчик с жидкой меланхолией, а также вязкой темной слизью, вовсе не имевшей никакого названия, и вышли на улицу.

Монтаг тяжело опустился на стул и посмотрел на лежавшую в кровати женщину. Ее глаза были закрыты, лицо обрело спокойствие; он протянул руку и ощутил на ладони тепло ее дыхания.

– Милдред, – позвал он наконец.

«Нас чересчур много, – подумалось ему. – Нас миллиарды, а это чересчур много. Никто никого не знает. Приходят чужаки и творят над тобой насилие. Приходят чужаки и вырезают твое сердце. Приходят чужаки и забирают твою кровь. Великий Боже, кто были эти люди? Я в жизни их раньше не видел!»

Прошло полчаса.

В жилах женщины теперь струилась новая кровь, и это, казалось, сотворило ее заново. Щеки сильно порозовели, губы сделались очень свежими и очень алыми, они выглядели мягкими и спокойными. И все это сделала чья-то кровь. Вот если бы еще принесли чью-то плоть, чей-то мозг, чью-то память... Если бы они взяли да отправили в химчистку ее душу, чтобы там у нее вывернули все карманы, пропарили и прополоскали, затем заново запечатали бы и утром принесли обратно. Если бы...

Монтаг встал, раздвинул занавески и широко распахнул окна, впуская в спальню ночной воздух. Два часа пополудни. Неужели это было всего только час назад – Кларисса Макклеллан на улице, потом приход домой, эта темная комната, маленький хрустальный флакончик, который он отшвырнул ногой? Всего только час, но за это время мир успел растаять и возродиться в новом виде, без цвета, без вкуса, без запаха...

Через залитый луной газон из дома Клариссы донесся смех. Дом Клариссы, ее отца, и матери, и дяди – людей, которые умели так спокойно и душевно улыбаться. Но главное – смех был искренний и сердечный, совершенно не нарочитый, и доносился он из дома, сиявшего в этот поздний час всеми огнями, тогда как прочие дома вокруг были безмолвны и темны. Монтаг слышал голоса – люди говорили, говорили, говорили, что-то передавали друг другу, говорили, ткали, распускали и снова ткали свою заволаживающую паутину.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Монтаг вышел через высокое окно и пересек газон. Он остановился перед бормочущим домом, укрывшись в его тени, и подумал, что, в сущности, может даже подняться на крыльцо, постучать в дверь и прошептать: «Позвольте мне войти. Я не произнесу ни слова. Мне просто хочется послушать. О чем это вы там говорите?»

Но он ничего такого не сделал, просто стоял, совершенно окоченев, – лицо уже превратилось в ледяную маску – и слушал, как мужской голос (дядя?) размеренно и неторопливо продолжал:

– Ну, в конце концов, мы с вами живем в век одноразовых салфеток. Высморкался в кого-то, скомкал его, спустил в унитаз, ухватил другого, высморкался, скомкал, в унитаз. Причем каждый еще норовит утереться фалдой ближнего. А как можно по-настоящему болеть за национальную футбольную команду, когда у тебя нет программы матчей и ты не знаешь имен игроков? Ну вот скажите мне, какого цвета у них фуфайки, когда команда выбегает на поле?

Монтаг вернулся в дом. Он оставил окна открытыми, проверил, в каком состоянии Милдред, заботливо подоткнул ее одеяло, а затем улегся сам.

Лунный свет озарял его скулы и морщины, прорезавшие нахмуренный лоб, а попав в глаза, тот же свет разливался маленькими лужицами, похожими на серебряные катаракты.

Упала капля дождя. Кларисса. Еще одна капля. Милдред. Третья. Дядя. Четвертая. Ночной пожар. Одна – Кларисса. Две – Милдред. Три – дядя. Четыре – пожар. Одна – Милдред, две – Кларисса. Одна, две, три, четыре, пять – Кларисса, Милдред, дядя, пожар, таблетки сно-

творного, люди-салфетки, фалды ближнего, высморкался, скомкал, в унитаз. Одна, две, три, одна, две, три! Дождь. Гроза. Дядя смеется. Раскаты грома катятся по лестнице вниз. Весь мир – сплошной поток ливня. Пламя вырывается из вулкана. Все закручивается водоворотом, и ревушая стремнина несется навстречу утру.

– Я ничего больше не понимаю, – сказал Монтэг, положил в рот облатку снотворного и стал ждать, когда она растворится на языке.

В девять часов утра постель Милдред была уже пуста. Монтэг быстро вскочил – сердце его гулко билось – и бросился бегом через прихожую, но у дверей кухни остановился.

Из серебряного тостера выпрыгивали ломтики поджаренного хлеба, паучья металлическая рука тут же подхватывала их и окунала в растопленное сливочное масло.

Милдред наблюдала за тем, как тосты ложатся на тарелку. В ее ушах плотно сидели электронные пчелы, их жужжание помогало ей коротать время. Она внезапно подняла голову, увидела Монтэга и кивнула.

– Ты в порядке? – спросил он.

За десять лет пользования ушными наперстками – «ракушками» – его жена научилась профессионально читать по губам. Она снова кивнула. Затем включила тостер, и он опять защелкал, поджаривая свежий ломтик хлеба.

Монтэг сел.

– Не понимаю, с чего бы это я такая голодная, – сказала жена.

– Ты...

– Я *ужасно* голодна.

– Вчера вечером... – начал он.

– Спала плохо. Чувствую себя отвратительно, – продолжала она. – Господи, как же хочется есть! Ничего не пойму.

– Вчера вечером, – опять начал он.

Милдред рассеянно проследила за движением его губ.

– Что – вчера вечером?

– А ты не помнишь?

– О чем ты? У нас что, были гости, и мы хорошо погуляли? Голова словно с похмелья. Господи, как же хочется есть! И кто у нас вчера был?

– Да так, несколько человек, – ответил он.

– Вот-вот. – Она прожевала кусок тоста. – Желудок болит, но есть хочется до ужаса. Надеюсь, я вчера никаких глупостей не наделала?

– Нет, – тихо сказал он.

Паучьей рукой тостер выхватил ломтик пропитанного маслом хлеба и протянул ему. Монтэг принял тост, чувствуя себя премного обязанным.

– Ты сам тоже выглядишь не лучшим образом, – заметила жена.

Ближе к вечеру пошел дождь, и мир стал темно-серым.

Монтэг стоял в прихожей и прикреплял к куртке значок с пылающей оранжевой саламандрой. Потом долгое время глядел на вентиляционную решетку. Милдред, читавшая сценарий в телевизионной гостиной, ненадолго перевела взгляд на мужа.

– Посмотрите на него! – воскликнула она. – Этот человек *думает*!

– Да, – сказал он. – Я хотел с тобой поговорить. – Монтэг сделал паузу и продолжил: – Вчера вечером ты выпила все таблетки из своего флакона.

– О нет, – изумилась она, – я бы такого никогда не сделала.

– Но флакон был пуст.

– Да не могла я сделать ничего подобного! С чего бы это пришло мне в голову?

– А может, ты приняла две таблетки, потом забыла об этом и приняла еще две, потом опять позабыла и снова приняла две, а затем, уже ослоловев, ты начала глотать их одну за одной, пока в тебе не оказались все тридцать или сорок штук.

– Чушь! – возмутилась она. – Чего ради я сотворила бы такую глупость?

– Не знаю, – ответил он.

Похоже, ей хотелось, чтобы муж как можно скорее ушел из дома.

– Я этого не делала, – сказала Милдред. – И никогда не сделаю. Даже если проживу миллиард лет.

– Ну хорошо, раз ты так говоришь, – согласился он.

– Это не я, так сказала леди в пьесе, – ответила она и вернулась к сценарию.

– Что идет сегодня днем? – утомленным голосом спросил Монтэг.

На этот раз она не стала отрываться от сценария:

– Ну, через десять минут начнется пьеса, действие будет переходить со стены на стену. Мне прислали роль сегодня утром. Я им подкинула несколько классных соображений. Они пишут сценарий, но пропускают реплики одного персонажа. Абсолютно новая идея! Там нет реплик матери семейства, ее играю я. Когда подходит моя очередь говорить, они все смотрят на меня с трех стен, и вот тут я произношу свои слова. К примеру, мужчина говорит: «Как тебе нравится вся эта идея, Элен?» При этом он глядит на меня, а я сижу здесь, в центре сцены, чувствуешь? И я говорю... я говорю... – она стала водить пальцем по строчкам сценария. – Вот: «По-моему, это чудесно». Потом они продолжают играть дальше, без меня, пока он не спрашивает: «Ты тоже так считаешь, Элен?» А я ему на это отвечаю: «Конечно же!» Правда ведь забавно, Гай?

Стоя в коридоре, он не отрываясь смотрел на нее.

– Очень забавно, – ответила она самой себе.

– А о чем пьеса?

– Я же тебе только что сказала. Там три действующих лица – Боб, Рут и Элен.

– А!

– Действительно очень забавно. А дальше будет еще забавнее, когда мы позволим себе четвертую телестену. **Как ты полагаешь, долго нам придется экономить, чтобы сломать четвертую стену и поставить вместо нее четвертую телевизионную? Она стоит всего две тысячи долларов.**

– Это треть моей годовой зарплаты.

– Но ведь всего две тысячи, – возразила Милдред. – Иногда не мешало бы и обо мне подумать. Если бы у нас была четвертая телестена, то эта комната стала бы вроде как вовсе и не нашей. Она превращалась бы в комнаты разных экзотических людей. Мы вполне можем обойтись без чего-нибудь другого...

– Мы и так уже обходимся без многого другого, выплачивая за третью стену. Ее, между прочим, поставили только два месяца назад, помнишь?

– Целых два месяца? – Она долго сидела, удивленно глядя на него. – Ну, до свидания, дорогой.

– До свидания, – сказал он, направляясь к двери, затем остановился и обернулся. – А какой у этой пьесы конец? Счастливый?

– Ну, до конца мне еще далеко.

Он вернулся, прочитал последнюю страницу, кивнул, сложил рукопись и отдал жене. После чего вышел из дома в дождь.

Дождь уже заканчивался. Девушка шла по середине тротуара с поднятой головой, подставляя лицо иссякающим каплям. При виде Монтэга она улыбнулась.

– Здравствуйте.

Монтаг тоже сказал «здравствуйте» и спросил:

– Ну, и чем вы меня сегодня порадуете?

– Я по-прежнему сумасшедшая. Как хорошо под дождем! Я люблю гулять в такую погоду.

– Не думаю, чтобы это мне понравилось, – ответил Монтаг.

– Попробуйте – может, и понравится.

– До сих пор как-то не приходилось.

Она облизнула губы.

– Дождь, он даже на вкус приятный.

– Так вот чем вы занимаетесь, хотите по разу все перепробовать, да?

– Кое-что и не по разу.

Она посмотрела на что-то в своей руке.

– Что это у вас там? – спросил Монтаг.

– По-моему, последний в этом году одуванчик. Даже не думала, что мне удастся найти его, ведь для них уже очень поздно. Слышали когда-нибудь, что им надо потереть под подбородком? Смотрите!

Она коснулась цветком подбородка и рассмеялась.

– А для чего это?

– Примета такая: если остается след, значит, я влюблена. Ну как, остался?

Ему не оставалось ничего другого, как посмотреть.

– Ну как? – снова спросила она.

– Подбородок стал желтым.

– Вот и прекрасно! А теперь давайте проверим на вас.

– Со мной ничего не получится.

– Сейчас увидим!

Прежде чем он успел шевельнуться, девушка сунула одуванчик ему под подбородок. Монтаг непроизвольно отпрянул. Она рассмеялась.

– Не двигайтесь!

Девушка осмотрела его подбородок и нахмурилась.

– Ну, что? – спросил он.

– Какой позор! – воскликнула она. – Вы ни в кого не влюблены.

– Нет, влюблен!

– Что-то этого не видно.

– Влюблен, и еще как! – Монтаг попытался наколдовать в воображении какое-нибудь лицо, соответствующее этим словам, но лицо не появлялось.

– Влюблен, – повторил он.

– Пожалуйста, не смотрите на меня так!

– Это все ваш одуванчик, – сказал он. – Вы истратили его пыльцу на себя. Вот почему со мной ничего не получилось.

– Ну конечно, так оно и есть. Как же я вас расстроила! Вижу, вижу, расстроила. Простите меня, я и впрямь виновата. – Она слегка коснулась его локтя.

– Ну что вы, что вы, – поспешно ответил он. – Все в порядке.

– Мне сейчас нужно идти, скажите, что вы меня простили. Не хочу, чтобы вы на меня сердились.

– Я и не сержусь. Вот огорчен – это да.

– А я иду к своему психиатру. Меня туда заставляют ходить. Ну я и придумываю для него каждый раз всякие штуки. Не знаю, что он обо мне думает. Говорит, я самая настоящая луковица. Он только и делает, что снимает с меня шелуху, слой за слоем.

– Я склоняюсь к тому, что психиатр вам все-таки нужен, – сказал Монтаг.

– Неправда, вы так не думаете.

Он вздохнул, выпустил воздух и наконец произнес:

– Да, не думаю.

– Мой психиатр хочет понять, почему я брожу по лесам, смотрю на птиц, собираю бабочек. Когда-нибудь я покажу вам свою коллекцию.

– Хорошо.

– Они все хотят понять, чем это я таким занята. Я им отвечаю, что иногда просто сижу и *думаю*. Только никогда не скажу им, о чем. Пусть помучаются. А иногда, говорю я им, мне нравится запрокинуть голову, вот так, и ловить ртом дождевые капли. На вкус они как вино. Никогда не пробовали?

– Нет, я...

– Так вы *простили* меня, да?

– Да. – Он немного подумал. – Простил. Бог знает почему. Вы особенная – все время подкальваете, а прощать вас легко. Вы говорите, вам семнадцать?

– Да, в следующем месяце.

– Странно. Удивительно. Моей жене тридцать, но мне порой кажется, что вы много старше ее. Никак не возьму этого в толк.

– Вы сами странный, господин Монтаг. По временам я даже забываю, что вы пожарный. А можно, я вас опять сейчас разозлю?

– Давайте.

– Как это все у вас началось? Как вы к ним попали? Как вы нашли себе эту работу? Как вам вообще такая мысль могла в голову прийти? Вы не похожи на других пожарных. До вас я уже видела нескольких, так что *знаю*. Когда я начинаю говорить, вы на меня смотрите. Вот вчера вечером я упомянула луну, и вы тут же на нее посмотрели. Другие никогда бы так не поступили. Они просто ушли бы прочь и оставили меня наедине с собой. Или начали бы мне угрожать. **У людей сейчас просто нет времени друг для друга.** А вы один из немногих, кто хорошо ко мне отнесся. Вот почему я думаю: странно, что вы стали пожарным. К вам это как-то не очень подходит.

Ему показалось, что он разломился пополам: одна половина была жаркой, вторая – холодной; одна – сама мягкость, вторая – твердость; одна дрожала, вторая не дрожала вовсе, – и каждая пыталась истереть другую в порошок.

– Вам надо спешить, – сказал он.

И она тут же убежала, оставив его стоять на тротуаре под дождем. Прошло немало времени, прежде чем он наконец шевельнулся.

Медленно, очень медленно шагая по улице, он запрокинул голову, подставил лицо дождю и открыл рот...

Механическая Гончая спала и одновременно не спала, жила и одновременно не жила в своей мягко гудящей, слегка вибрирующей, слабо освещенной конуре в дальнем темном углу пожарной станции.

Был час ночи, тусклый сумрак и лунный свет входили в раму большого окна и ложились пятнами на медь, бронзу и сталь мелко дрожавшего зверя. Свет мерцал на кусочках рубинового стекла и на чувствительных капиллярных волосках в нейлоновых ноздрях этой твари, которая легонько, еле заметно сотрясалась, по-паучьи сложив под собой восемь лап с резиновыми подушечками.

Монтаг съехал по бронзовому шесту и вышел поглядеть на город. Тучи уже совершенно очистили небо. Он закурил сигарету, вернулся в станцию, подошел к Гончей и наклонился над ней, внимательно разглядывая. Она походила на огромную пчелу, вернувшуюся в улей с какого-то далекого луга, где мед вобрал в себя ночные кошмары, безумие и ядовитую дикость,

ее тело было полно этим перенасыщенным нектаром, и теперь она спала, чтобы избыть во сне распивавшее ее зло.

– Здравствуй, – прошептал Монтаг, как всегда зачарованный этим вечно мертвым, вечно живым зверем.

Ночами, всякий раз, когда делалось скучно – а так происходило каждую ночь, – пожарные спускались по медным шестам и, приведя в действие тикающий механизм обонятельной системы Гончей, впускали в подвальное помещение крыс, иногда цыплят, а то и кошек, которых так или иначе следовало утопить, и заключали пари, какую крысу, кошку или курочку Гончая схватит первой. Через три секунды игра обычно заканчивалась: на полпути к выходу из подвала крысу, кошку или курочку настигали мягкие лапы Гончей, после чего из ее хобота выдвигалась стальная полая четырехдюймовая игла и впрыскивала в животное мощную дозу морфия или прокаина. Затем жертву бросали в мусоросжигательную печь, и игра начиналась заново.

Во время этих ночных забав Монтаг, как правило, оставался наверху. Однажды, года два назад, он заключил пари с одним из лучших игроков и проиграл недельный заработок, что вызвало безумный гнев Милдред – лицо ее покрылось пятнами, на лбу вздулись вены. Теперь ночами он лежал на койке, повернувшись лицом к стене, и прислушивался к долетавшим снизу взрывам хохота, быстрой, как пассаж на рояле, суете крысиных лапок, скрипичному писку мышей и накрывавшей эти звуки огромной тени тишины, когда Гончая вылетала из своего угла, словно мотылек на яркий свет, находила жертву, хватала ее, пронзала иглой и возвращалась в конуру, чтобы умереть там, будто по мановению выключателя.

Монтаг коснулся морды зверя.

Гончая зарычала.

Монтаг отпрыгнул.

Гончая приподнялась в конуре и уставилась на него внезапно включившимися лампами-глазами, в которых замерцал сине-зеленый неоновый свет. Она снова взрыкнула – ее рык был странной, режущей ухо смесью электрического шипения, потрескивания масла на раскаленной сковороде, скрежета металла и скрипа древних шестеренок, ржавых от подозрительности.

– Ну нет, маленькая, – произнес Монтаг, и сердце его заколотилось.

Он увидел, как на целый дюйм выдвинулась серебряная игла, потом втянулась, снова вышла, опять втянулась. Внутри зверя медленно кипело рычание, он внимательно глядел на человека.

Монтаг отступил. Гончая сделала шаг из конуры. Одной рукой Монтаг схватился за бронзовый шест. Прореагировав на прикосновение, шест скользнул вверх и бесшумно пронес его сквозь потолок. Монтаг разжал руки и ступил в сумрак верхнего этажа. Лицо его было бледно-зеленым, он весь дрожал. Гончая внизу снова подобрала под себя свои восемь невероятных паучьих ног, ее мягкое гудение возобновилось, а фасеточные глаза успокоились.

Монтаг стоял у люка, постепенно приходя в себя. За его спиной, в углу, за карточным столом сидели четверо мужчин, освещенные лампой под зеленым колпаком; они бросили на Монтага беглые взгляды, но ничего не сказали. И только человек в капитанской каске, в каске с изображением феникса, наконец заинтересовался и, держа карты в худой руке, кратко спросил через всю комнату:

– Монтаг?..

– Она меня *не любит*, – сказал Монтаг.

– Кто, Гончая? – Капитан внимательно разглядывал свои карты. – Ерунда. Любит – не любит, она на это не способна. Она просто «функционирует». Это как урок по баллистике. Мы рассчитываем траекторию и закладываем в Гончую, а дальше она лишь следует заданному

курсу. Сама наводит себя на цель, поражает ее, потом отключается. Это всего лишь медная проволока, аккумуляторные батареи и электричество.

Монтаг сглотнул комок в горле.

– Ее калькуляторы можно настроить на любую комбинацию – столько-то аминокислот, столько-то серы, столько-то жиров, такая-то щелочная составляющая. Правильно?

– Мы все это знаем.

– Но ведь кислотно-основные балансы и все процентные соотношения, присущие каждому из нас на Станции, занесены в главное досье, там внизу. Не так уж сложно кому-нибудь взять и ввести в «память» Гончей некую частичную комбинацию, чтобы она реагировала, например, на определенные аминокислоты. Это объяснило бы то, что произошло со зверем несколько секунд назад. Она среагировала *на меня*.

– Чертовщина какая-то, – пробурчал Капитан.

– Она была раздражена, но не разъярена до предела. Кто-то настроил часть ее «памяти» таким образом, чтобы Гончая рычала, когда я к ней прикасаюсь.

– Но кто бы стал это делать? – удивился Капитан. – У тебя здесь нет ни одного врага, Гай.

– Насколько я знаю, нет.

– Ладно, завтра техники проверят Гончую.

– Она уже не первый раз угрожает мне, – сказал Монтаг. – В прошлом месяце это случилось дважды.

– Все исправим, не волнуйся.

Но Монтаг не двигался с места. Он стоял и думал о вентиляционной решетке в прихожей своего дома и о том, что за ней спрятано. Если кто-нибудь здесь, на пожарной станции, узнал про вентилятор, разве не мог он «рассказать» об этом Гончей?..

Капитан подошел к люку и вопросительно взглянул на Монтага.

– Я все думаю, – сказал Монтаг, – **о чем это Гончая размышляет по ночам в своей конуре? Может, она готовится к тому, чтобы и впрямь начать бросаться на нас? Прямо мороз по коже, как представишь.**

– Она не думает ни о чем таком, о чем, по нашему мнению, ей не следовало бы думать.

– Вот это и печально, – тихо проговорил Монтаг. – Потому что все, что мы вложили в нее, – это охота, поиск и убийство. Позор, что ничему другому она уже никогда не научится.

Битти, не удержавшись, фыркнул.

– Черт подери! Да наша Гончая – прекрасный образец мастерской работы. Добрая винтовка, которая может сама найти мишень и при каждом выстреле гарантирует попадание в яблочко.

– Потому-то я бы и не хотел быть ее очередной жертвой, – сказал Монтаг.

– А в чем дело? У тебя что, совесть не чиста?

Монтаг быстро посмотрел на Капитана.

Битти стоял рядом и не сводил с него пристального взгляда, потом его рот открылся, и стало ясно, что Капитан тихо, едва слышно смеется.

Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь дней. И столько же раз, выходя из дома, он обнаруживал в мире присутствие Клариссы. Один раз он видел, как она трясет ореховое дерево; другой – что она сидит на газоне и вяжет синий свитер; три или четыре раза он находил то букетик поздних цветов на своем крыльце, то мешочек с горстью каштанов, то несколько осенних листьев, аккуратно пришпиленных к листу белой бумаги, который был приколот чертежной кнопкой к двери дома. Каждый вечер Кларисса провожала его до угла. Первый день был дождливым, второй – ясным, третий – очень ветреным, четвертый выдался, наоборот, тихим и безветренным, а следующий за ним – жарким, как летнее пекло, так что к концу этого дня лицо Клариссы даже загорело.

– Почему у меня такое чувство, – спросил он ее как-то раз у входа в метро, – будто я знаю вас уже много-много лет?

– Потому что вы мне нравитесь, – ответила она, – и мне ничего от вас не надо. И еще потому, что мы с вами действительно узнали кое-что друг о друге.

– Рядом с вами я чувствую себя очень старым, и мне кажется, будто я отец целого семейства.

– Тогда объясните мне, – сказала она, – почему у вас нет дочерей вроде меня, раз уж вы так любите детей?

– Не знаю.

– Вы шутите!

– То есть я хочу сказать... – Он остановился и покачал головой. – Ну, в общем, моя жена, она... она никогда не хотела иметь детей.

Девушка перестала улыбаться.

– Простите меня. Я и впрямь думала, что вы просто веселитесь за мой счет. Какая же я дуреха.

– Нет-нет! – запротестовал он. – Это был хороший вопрос. Меня уже давно никто об этом не спрашивал, просто никому нет дела. Нет, вопрос хороший.

– Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Вы когда-либо нюхали старые листья? Правда, они пахнут корицей? Вот, понюхайте.

– Хм, действительно чем-то напоминает корицу.

Она посмотрела на него своими ясными черными глазами.

– Вы всегда словно бы удивляетесь до глубины души.

– Это просто потому, что у меня не было времени...

– Вы как следует рассмотрели те длиннющие рекламные щиты, о которых я вам говорила?

– Да, вроде бы как следует. – Он невольно рассмеялся.

– Ну вот, и смех у вас теперь куда приятнее, чем раньше.

– В самом деле?

– Да, не такой напряженный.

Он неожиданно почувствовал себя легко и непринужденно.

– Кстати, а почему вы не в школе? Я же вижу, как вы целыми днями бродите по улицам.

– Ну, там по мне не скучают, – ответила Кларисса. – Они говорят, я антиобщественный элемент. Совсем не схожусь с другими людьми. Это так странно. На самом деле, я очень общественная. Все зависит от того, что называть «обществом», правда? Вот я сейчас рассказываю вам об этих вещах – по-моему, мы с вами и есть «общество». – Она погремела в пригоршне каштанами, которые подобрала под деревом во дворе. – Или еще можно говорить, как странно устроен мир. Быть среди людей – это чудно. **Но если собирают кучу народу и при этом не дают им возможности друг с другом разговаривать, то я не думаю, что это можно назвать «обществом», как вы считаете?** Час телевизионных занятий, час баскетбола, бейсбола или бега, потом час истории транскрипции или же час рисуем картинки, потом опять спорт, но, представляете, мы никогда не задаем в школе никаких вопросов – по крайней мере, большинство из нас этого не делает. Сидим, а учителя вдалбливают в нас ответы – бум-бум-бум, и после этого сидим еще четыре часа и смотрим учебные фильмы. Нет, для меня это никакое не «общество». Множество воронок и прорва воды, которая в горлышки вливается, а снизу выливается, и еще нам говорят, что это вино, хотя вином и не пахнет. К концу дня они нас так изматывают, что уже не остается сил ни на что, разве только лечь спать или отправиться в Парк Развлечений – приставать там к гуляющим, бить оконные стекла в павильоне «Разбей Окно» или крушить машины в павильоне «Разбей Машину», там для этого есть такое большое стальное ядро. А еще можно сесть в автомобиле и гонять по улицам, соревнуясь, кто проскочит ближе всех к фонарному столбу, – это называется «праздник труса» или «сбей кол-

пак». А в общем-то они, наверное, правы, я такая и есть, как они говорят. У меня нет друзей. Предполагается, уже одно это доказывает, что я ненормальная. Но все, кого я знаю, либо орут, либо пляшут как бешеные, либо колотят друг дружку. Вы обращали внимание, как люди сейчас увечат друг друга?

– Вы говорите так, словно вам очень много лет.

– А я иногда и чувствую себя совсем древней. Я боюсь своих сверстников. Они убивают друг друга. Неужели так было всегда? Мой дядя говорит, что нет. Только в этом году были застрелены шесть моих друзей. Десять погибли в автомобильных катастрофах. Да, я боюсь своих сверстников, и они не любят меня, потому что я их боюсь. Мой дядя говорит, что его дед помнил времена, когда дети не убивали друг друга, но это было давно, тогда все было по-другому. Дядя говорит, в те времена люди верили в чувство ответственности. А вы знаете, я ответственная. В детстве, много лет назад, мне задавали хорошую трепку, когда было за что. Я сама хожу по магазинам, убираю в доме... А больше всего, – продолжала она, – мне нравится наблюдать за людьми. Бывает, целый день езжу в метро, гляжу на пассажиров, слушаю их разговоры. Мне хочется понять, кто они такие, чего хотят, куда едут. Иногда я даже хожу в Парки Развлечений или катаюсь на реактивных автомобилях в полночь по городским окраинам, – полиции все равно, лишь бы машины были застрахованы. Покуда каждый застрахован на десять тысяч долларов, все счастливы. А случается, я незаметно подслушиваю чужие разговоры в метро. Или у автоматов с газировкой.

И знаете что?

– Что?

– Люди ни о чем не говорят.

– Ну да! Так уж *ни о чем*?

– Нет, не в буквальном смысле. Большей частью они перечисляют марки автомобилей, сыплют фирменными названиями одежды, хвастаются плавательными бассейнами, и через слово – «это потрясно!». Но ведь все говорят одно и то же, никто не скажет что-нибудь отличное от других. А придут в забегаловку, включают зубоскальные автоматы и слушают все время одни и те же старые анекдоты, или же уставятся на музыкальную стену и смотрят, как по ней вверх-вниз бегут цветочные узоры, но это одни краски, абстракция, и больше ничего. А музеи – вы их когда-нибудь посещаете? Там *вообще* один абстракционизм. Сейчас ничего другого и не бывает. Мой дядя говорит, раньше было иначе. В давние времена картины о чем-то рассказывали, и на них даже были *люди*.

– Дядя говорит это, дядя говорит то. Он, должно быть, замечательный человек.

– Так и есть. Конечно, замечательный. Ну, мне пора. До свидания, господин Монтэг.

– До свидания.

– До свидания...

Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь дней: пожарная станция.

– Монтэг, ты прямо как птичка на дерево взлетаешь по своему шесту.

Третий день.

– Монтэг, я вижу, ты сегодня пришел с черного хода. Что, Гончая беспокоит?

– Нет, нет.

Четвертый день.

– Монтэг, послушай, какая забавная история. Мне ее рассказали сегодня утром. Один пожарный из Сиэтла нарочно настроил Механическую Гончую на свою химическую комбинацию, а потом выпустил из конуры. Как ты определишь такой вид самоубийства?

Пять, шесть, семь дней.

И вдруг исчезла Кларисса. До какого-то момента Монтэг даже не осознавал, что было не так в тот день, но затем понял: Клариссы нигде не было видно, ее присутствие в мире не

обнаруживалось. Газон перед ее домом был пуст, деревья голы, пуста улица, и хотя поначалу он даже не отдавал себе отчета, что ему недостает именно ее или что он пытается ее разыскать, но к тому времени, когда он подходил к станции метро, в нем смутно зашевелилось беспокойство. Что-то случилось, нарушился заведенный порядок вещей. Правда, порядок весьма несложный, образовавшийся всего несколько дней назад, и все же... Он едва не повернул обратно, чтобы еще раз пройти к станции метро, – может, надо просто дать ей немного времени, и она появится. Монтэг был убежден: стоит ему повторить маршрут, – и все образуется. Но было уже поздно, и появление поезда метро положило конец его планам.

Шорох карт, движение рук, дрожание век, бубнеж времяголосоия с потолка пожарной станции: «...один час тридцать пять минут, четверг, четвертое ноября, ...один час тридцать шесть... один час тридцать семь, четверг...». Шлепанье игральных карт о засаленную поверхность стола. Все эти звуки проникали в Монтэга, несмотря на барьер плотно сомкнутых глаз – барьер, с помощью которого он пытался хоть на миг заслониться от них. Он явственно ощущал блеск, сверканье и тишину, наполнявшие пожарную станцию, оттенки меди, цвета монет, золота, серебра. Невидимые игроки за столом напротив него вздыхали над своими картами, чего-то ждали. «Один час сорок пять минут...» Говорящие часы оплакивали этот холодный час одной из холодных ночей совсем уже холодного года.

– Что случилось, Монтэг?

Он открыл глаза.

Где-то жужжало радио: «...война может быть объявлена в любую минуту. Наша страна готова к защите своих...»

Здание пожарной станции задрожало: мощный проход реактивных самолетов наполнил черноту предутреннего неба монотонным свистом.

Монтэг заморгал. Битти разглядывал его так, словно перед ним была музейная статуя. В любой момент Битти мог встать, обойти вокруг него, коснуться рукой, прислушаться к отзвукам души в поисках вины и угрызений совести. Вины? О какой вине может идти речь?

– Твой ход, Монтэг.

Монтэг окинул взглядом сидевших перед ним людей. Их лица загорели от тысячи реальных и десятка тысяч воображаемых пожаров; работа окрасила их щеки в багровый цвет и зажгла в глазах лихорадочный блеск. Спокойно, не щурясь, глядели они на огоньки своих платиновых зажигателей, раскуривая свои никогда не гаснущие черные трубки. Во всем – в них самих, в их угольно-черных волосах, в бровях цвета сажи, в испятнанных пеплом щеках, выбритых до синевы, – во всем сквозила наследственность. Вздрогнув, Монтэг замер с открытым ртом. А видел ли он хоть когда-нибудь пожарного, у которого не было бы черных волос, черных бровей, огненного лица и выбритых до стальной синевы щек, создающих тем не менее впечатление небритости? Все эти люди – зеркальное отражение его самого! Неужели пожарных отбирают не только по склонности, но и по внешним данным? Во всем их облике – оттенки тлеющих углей и пепла, и вечный запах гари, исходящий из трубок. Вот в грозовых тучах табачного дыма поднимается Капитан Битти, открывает свежую пачку табака и комкает обертку – хруст целлофана в его руке отдается треском огня.

Монтэг перевел взгляд на карты в своей руке.

– Я... я немного задумался. О пожаре, что был на прошлой неделе... О том человеке, чью библиотеку мы обработали. Что с ним стало?

– Он вопил так, что его отправили в психушку.

– Он не был сумасшедшим.

Битти спокойно перетасовал карты:

– Любой человек, который думает, будто может перехитрить правительство и нас, уже сумасшедший.

– Я все пытался представить себе, – произнес Монтаг, – на что это похоже – оказаться в его положении. Я хочу сказать, вот приходят пожарные и жгут *наши* дома и *наши* книги.

– У нас нет книг.

– А если бы были?

– Так что, у тебя *кое-что* есть?

Битти медленно мигнул.

– Нет. – Монтаг посмотрел мимо сидевших за столом людей на стену, где были вывешены отпечатанные на машинке списки миллиона запрещенных книг. Их названия плясали в пламени, испепелявшем годы изданий, а он помогал этому, орудуя топором и наконечником шланга, извергавшим не воду, а керосин.

– Нет, – повторил он, но в глубине его сознания родился ледяной ветерок, он вырывался из вентиляционной решетки в доме Монтага и мягко, вкрадчиво охлаждал его лицо. А еще он опять увидел себя в зеленом парке, где однажды разговорился со стариком, очень древним стариком, и ветер из парка тоже был ледяным.

Немного поколебавшись, Монтаг спросил:

– А это всегда было... всегда было, как сейчас? Пожарные станции, наша работа? Я хочу сказать... ну... может быть, когда-то, в некотором царстве, в некотором государстве...

– «В некотором царстве, в некотором государстве»? – переспросил Битти. – Это что еще за *разговоры* такие?

«Дурак! – мысленно обозвал себя Монтаг. – Ты же сам себя выдаешь». Во время последнего пожара, когда сжигали книгу детских сказок, он бросил взгляд на одну-единственную строку.

– Я имел в виду старые времена, когда дома еще не были абсолютно несгораемыми... – Внезапно ему померещилось, будто его устами вещает какой-то другой, гораздо более молодой голос. Он лишь открывал рот, а говорила вместо него Кларисса Макклеллан. – **Разве тогда пожарные не предотвращали пожары, вместо того чтобы подливать керосин и разжигать их?**

– Во дает! – Стоунмен и Блэк разом вытащили из карманов книжки уставов, в которых была также кратко изложена история Пожарных Америки, и раскрыли их перед Монтагом, чтобы он мог прочитать то, что ему и так было хорошо известно:

«Основаны в 1790 году с целью сожжения в Колониях книг, несущих на себе английское влияние. Первый пожарный: Бенджамин Франклин.

Правило 1. По тревоге выезжать быстро.

Правило 2. Огонь разжигать быстро.

Правило 3. Сжигать всё.

Правило 4. Возвращаться на пожарную станцию немедленно.

Правило 5. Быть готовым к новым тревогам».

Все смотрели на Монтага. Он сидел не шевелясь.

В этот момент раздался сигнал тревоги.

Колокол под потолком нанес себе двести ударов. Внезапно в комнате образовалось четыре пустых стула.

Карты снегопадом легли на пол. Медный шест мелко дрожал. Мужчины исчезли.

Монтаг продолжал сидеть на стуле. Внизу зашелся кашлем, оживая, оранжевый дракон.

Словно во сне, Монтаг съехал по шесту.

Механическая Гончая тут же вскочила в своей конуре, в глазах – зеленое пламя.

– Монтаг, ты забыл свой шлем!

Он сорвал его со стены позади себя, побежал, прыгнул, и они умчались, лишь ночной ветер колотился меж домов, полный воя сирены и могучего грома металла.

Это был облупившийся трехэтажный дом в старой части города, он стоял уже сто лет, не больше и не меньше, но, как и все остальные здания, много лет назад его заключили в тонкую огнеупорную пластиковую оболочку, и теперь казалось, будто эта предохранительная скорлупа была единственным, что удерживало его в воздухе.

– Приехали!

Пожарная машина остановилась, хлопнули двери. Битти, Стоунмен и Блэк помчались по тротуару к дому, неожиданно став мерзкими и жирными в своих пухлых огнеупорных плащах. Монтаг бросился следом.

Они сокрушили парадную дверь и схватили женщину, хотя та не двигалась с места и вовсе не думала скрываться бегством. Она стояла, мягко покачиваясь из стороны в сторону и устремив взгляд в небытие, разверзшееся на стене, словно пожарные только что нанесли ей страшный удар по голове. Язык женщины ворочался во рту, а глаза, казалось, пытались что-то вспомнить, и вот они вспомнили, и язык снова зашевелился:

– Будьте мужчиной, мастер Ридли. Милостью Божьей мы зажжем сегодня в Англии такую свечу, которую, надеюсь, никогда не загасить³.

– Хватит! – сказал Битти. – Где они?

С поразительным бесстрашием он ударил ее по лицу и повторил вопрос. Глаза старой женщины сфокусировались на Битти.

– Вы знаете, где они, иначе вас не было бы здесь, – молвила она.

Стоунмен протянул карточку телефонной тревоги, на обороте которой был продублирован текст доноса:

«Имею основания подозревать чердак. Дом № 11, улица Вязов, Город. Э. Б.»

– Это, должно быть, госпожа Блейк, моя соседка, – сказала женщина, прочитав инициалы.

– Ладно, ребята, пошли заберем их.

Уже через секунду они были наверху, в затхлой темноте, круша серебряными топориками двери, которые вовсе не были заперты, и вваливаясь в комнаты, как мальчишки, с криком и гиканьем.

– Гей!

На Монтага, с дрожью в сердце поднимавшегося по крутой лестнице, обрушился целый фонтан книг. Как все неловко! Раньше это было не труднее, чем задуть свечу. Первыми приезжали полицейские, заклеивали жертве рот липкой лентой, связывали и увозили в своих блестящих жучьих машинах, так что, когда ты появлялся, дом был уже пуст. И ты никого не мучил, ты мучил одни лишь *вещи*. А поскольку на самом деле вещи не могут страдать, поскольку они не чувствуют боли, не визжат и не хнычут, как эта женщина, которая вот-вот завопит или заплачет, то потом твою совесть ничего не тревожило. Это была обыкновенная приборка. В сущности, работа дворника, а не пожарного. Всё расставили по местам! Керосин, быстро! У кого спички?

Сегодня, однако, кто-то там недосмотрел. Эта женщина нарушила весь ритуал. Поэтому пожарные делают так много шума, смеются, шутят, – делают все, чтобы заглушить жуткое осуждающее молчание, царящее внизу. **Она заставила пустоту комнат изойти обвинительным ревом и вытряхнула в воздух тончайшую пыль вины, которую снующие по дому люди невольно втягивали ноздрями. Это нечестно! Неправильно!** Монтаг испытал невероятную ярость. Что бы там ни было, эта женщина не должна находиться здесь!

³ Слова, сказанные епископом вустерским Хью Латимером (1485?–1555) лондонскому епископу Николасу Ридли (1500–1555), когда их сжигали на костре в Оксфорде по обвинению в ереси 16 октября 1555 года. Истинной причиной обвинения был отказ протестантских священников, видных деятелей Реформации, отречься от протестантизма после восстановления католицизма в Англии при Марии I Тюдор.

Книги бомбардировали его плечи, руки, его обращенное кверху лицо. Одна из книг чуть ли не послушно опустилась в его ладони, как белый голубь, трепеща крыльями. В рассеянном колеблющемся свете мелькнула открывшаяся страница, и это было как взмах белоснежного пера с бережно нанесенными на него словами. В суматохе и горячке у Монтага был всего миг, чтобы прочитать строку, но она полыхала в его мозгу целую минуту, словно выжженная огненным стальным клеймом:

«Само время уснуло в лучах полуденного солнца»⁴.

Он выронил книгу, и тут же ему в руки упала новая.

– Монтаг, поднимайся сюда!

Рука Монтага сомкнулась на книге, словно жадный рот; он с диким самозабвением стиснул ее, с безрассудством сумасшедшего прижал к своей груди. Мужчины наверху швыряли ворохи журналов в пыльный воздух. Они падали, как битая птица, а женщина стояла внизу – маленькая девочка среди недвижных тушек.

Сам Монтаг ничего не сделал. Все сделала рука. Его рука, у которой был свой собственный мозг, своя совесть и любопытство в каждом дрожащем пальце, превратилась в воровку. Она нырнула с книгой под другую руку, прижала к пропахшей потом подмышке и выскочила наружу уже пустой, с показной невинностью фокусника: смотрите! Ничего нет! Смотрите же!

Потрясенный, разглядывал он эту белую руку. Отводил ее подальше, словно был дальнотормим. Подносил к самому лицу, словно слепец.

– Монтаг!

Он вздрогнул и обернулся.

– Не стой там как идиот!

Теперь книги лежали вокруг него грудями свежей рыбы, вываленной для просушки. Мужчины танцевали на этих кучах, оскальзывались, валились на книги. Поблескивали золотые глаза названий на корешках, томики падали, глаза угасали.

– Керосин!

Они стали выкачивать холодную жидкость из баков с цифрами 451, притороченных за плечами. Они обдали каждую книгу, залили доверху каждую комнату.

После этого все торопливо спустились вниз. Последним, спотыкаясь в керосиновом чаду, шел Монтаг.

– Женщина, выходим!

Она стояла на коленях среди книг, водила руками по набрякшим кожаным и картонным переплетам, словно читая пальцами золоченые названия, а глаза ее осуждающе смотрели на Монтага.

– Вам никогда не заполнить моих книг, – произнесла она.

– Вы знаете закон, – сказал Битти. – Где же ваш здравый смысл? Все эти книги противоречат друг другу. Столько лет просидеть взаперти наедине с самой настоящей Вавилонской башней, черт бы ее побрал! Бросьте вы эту дурь! Людей, что описаны в ваших книгах, никогда не существовало. Ну, выходите же!

Женщина покачала головой.

– Сейчас запольхает весь дом, – сказал Битти.

Мужчины начали неуклюже пробираться к выходу. Они оглядывались на Монтага, по-прежнему стоявшего рядом с женщиной.

– Вы же не оставите ее здесь? – запротестовал он.

– Она сама не хочет уходить.

– Тогда выведите ее силой!

Битти поднял руку с затаившимся в ней зажигателем.

⁴ Строка из сборника эссе «Деревня грез» шотландского поэта Александра Смита (1830–1867).

– Нам пора назад, на станцию. И потом, эти фанатики всегда норовят покончить жизнь самоубийством. Так у них водится.

Монтаг положил руку женщине на локоть.

– Вы можете пойти со мной.

– Нет, – ответила она. – Но во всяком случае спасибо.

– Считаю до десяти, – предупредил Битти. – Раз. Два...

– Пожалуйста, – попросил Монтаг.

– Продолжайте, – сказала женщина.

– Три. Четыре...

– Ну же. – Монтаг потянул женщину за рукав.

– Я хочу остаться, – тихо ответила она.

– Пять. Шесть...

– Можете дальше не считать, – сказала женщина. Она слегка разжала пальцы – на ладони лежал один-единственный тонкий длинный предмет.

Обыкновенная кухонная спичка.

Одного ее вида оказалось достаточно, чтобы мужчины выскочили наружу и бросились прочь от дома. Капитан Битти, стараясь сохранить достоинство, медленно попятился из парадной двери; его розовое лицо блестело и пылало отблесками тысяч пожаров и волнующих ночных приключений.

«Господи, – подумал Монтаг, – истинная правда! Тревоги всегда бывают только ночью! А днем – никогда! Не потому ли, что ночью пожар лучше смотрится? Эффектное зрелище, настоящее шоу...»

Розовое лицо остановившегося в дверном проеме Битти изображало легкую панику. Пальцы женщины сомкнулись на одной-единственной спичке. Вокруг нее пышным цветком распускалось облако керосиновых паров. Монтаг чувствовал, как спрятанная книга бьется о грудь, как второе сердце.

– Продолжайте, – повторила женщина.

Монтаг почувствовал, как пятится назад, все дальше и дальше от двери, потом следом за Битти вниз по лестнице, через газон, на котором, как путь зловещей улитки, лежал керосиновый след.

Женщина неподвижно стояла на крыльце, куда она вышла, чтобы смерить их долгим спокойным взглядом; само ее спокойствие было приговором.

Битти щелкнул пальцами, чтобы искрой зажигателя воспламенить керосин.

Но он опоздал. Монтаг замер с открытым ртом.

Облив их всех презрением, женщина на крыльце чиркнула кухонной спичкой о перила.

Из всех домов на улице выбегали люди.

По дороге на станцию они не произнесли ни слова. Никто ни на кого не смотрел. Монтаг сидел на переднем сиденье с Битти и Блэком. Они даже не раскурили своих трубок. Все неотрывно смотрели вперед. Огромная «саламандра» обогнула очередной угол и бесшумно помчалась дальше.

– Мастер Ридли, – наконец сказал Монтаг.

– Что? – спросил Битти.

– Она сказала: «Мастер Ридли». Когда мы вошли, она произнесла какую-то безумную фразу. «Будьте мужчиной, мастер Ридли», – сказала она. И что-то такое еще, что-то такое, что-то...

– «Милостью Божьей мы зажжем сегодня в Англии такую свечу, которую, надеюсь, никогда не загасить», – проговорил Битти.

Стоунмен в изумлении поглядел на Капитана, Монтаг тоже. Битти потер подбородок.

– Это сказал человек по имени Латимер человеку по имени Николас Ридли, когда их заживо сжигали на костре за ересь в Оксфорде шестнадцатого октября тысяча пятьсот пятьдесят пятого года.

Монтаг и Стоунмен снова устали на мостовую, убегавшую под колеса машины.

– Я весь набит разными цитатами, обрывками фраз, – сказал Битти. – Этим отличаются, в большинстве своем, все пожарные капитаны. Иногда я просто сам себе удивляюсь. Эй, Стоунмен, не зевай!

Стоунмен резко затормозил.

– Черт! – воскликнул Битти. – Ты проскочил угол, где мы сворачиваем к пожарной станции.

– Кто там?

– А кто еще тут может быть? – отозвался в темноте Монтаг, прислонясь спиной к закрытой двери.

Его жена, помолчав, сказала:

– Зажги хотя бы свет.

– Он мне не нужен.

– Тогда иди спать. – Он услышал, как она нетерпеливо заворочалась на кровати; пружины пронзительно взвизгнули. – Ты пьян? – спросила она.

Итак, все началось с его руки. Он почувствовал, как его пальцы, сперва одной руки, потом другой, расстегнули куртку и дали ей тяжело упасть на пол. Он подержал брюки над черной бездной и позволил им упасть во мрак. Его кисти подхватили заразную болезнь, и скоро она перейдет на предплечья. Он мог представить, как яд поднимается по запястьям, проникает в его локти, плечи, а затем – раз! – и перескок с лопатки на лопатку, словно электрический разряд в пустоте. Его руки изголодались. И глаза тоже начали испытывать голод, словно им обязательно нужно было смотреть на что-то, на что-нибудь, на все что угодно...

– Что ты там делаешь? – спросила жена.

Он балансировал в пространстве, помогая себе книгой, которую сжимал холодными потными пальцами.

Спустя минуту она произнесла:

– Ну хотя бы не стой так посреди комнаты. – Он немо сказал что-то. – Что? – спросила жена.

Монтаг произнес еще несколько беззвучных слов, подошел неверным шагом к кровати и кое-как засунул книгу под холодную подушку. Затем повалился на кровать, и жена в испуге вскрикнула. Он лежал далеко-далеко от нее, у другой стены комнаты, на зимнем острове, отделенном от всего мира пустым пространством моря. Жена разговаривала с ним, ему казалось, она говорит уже довольно давно, она толковала о том, толковала о сем, однако это были только слова, похожие на те словечки, которые он слышал когда-то в детской у одного своего друга: двухлетний малыш пытался строить фразы, лепетал на понятном лишь ему языке, и звучало это довольно приятно. Монтаг ничего не говорил в ответ, а спустя время, когда он опять произнес что-то беззвучное, он почувствовал движение в комнате: жена подошла к его кровати, встала над ним и опустила руку, чтобы коснуться щеки. Монтаг понял, что, когда она отвела руку от его лица, ее ладонь была мокрой.

Поздно ночью он посмотрел на жену. Она не спала. В воздухе тихонько танцевала мелодия – уши Милдред опять были заткнуты «ракушками», она слушала далеких людей из далеких краев, а взгляд ее широко распахнутых глаз пронизывал пучину тьмы, открывшуюся вверху, в потолке.

Как там в старом анекдоте? Жена так долго болтала по телефону, что ее муж, отчаявшись, побежал в ближайший магазин и, только позвонив оттуда, узнал, что будет дома на обед. А что, почему бы ему не купить себе широковегетарианскую «ракушечную» станцию, чтобы говорить с женой по ночам? Мурлыкать ей, шептать, кричать, вопить, орать... Только вот о чем шептать? О чем кричать? Что он мог ей сказать?

Неожиданно она показалась ему совершенно чужой, он даже поверить не мог, что знал ее когда-то. Он был в чьем-то чужом доме, как в том анекдоте, что часто рассказывают люди, – о пьяном джентльмене, который пришел домой поздно ночью, открыл не ту дверь, вошел не в ту комнату, лег в постель с незнакомой женщиной, а утром, встав пораньше, ушел на работу, и никто из них так ничего и не понял.

– Милли... – прошептал он.

– Что?

– У меня и в мыслях не было пугать тебя. Я просто хотел спросить...

– Ну?

– Когда мы с тобой встретились? И где?

– Когда мы встретились – *для чего?* – спросила она.

– Я имею в виду, в самом начале.

Он знал, что она хмурится, лежа в темноте.

– Наша первая встреча, – пояснил он, – где это было и когда?

– Ну, это было... – Она замялась. – Я не знаю.

Он похолодел.

– Не можешь вспомнить?

– Это было так давно...

– Всего десять лет назад. И только-то. Всего десять лет!

– Да не волнуйся ты так, я просто пытаюсь вспомнить. – Ее стал разбирать странный высокий смех, звук которого становился все тоньше и тоньше. – Как забавно. Нет, правда, забавно – не помнить, где и когда ты встретил свою мужнюю жену!

Он лежал, медленно массируя себе веки, лоб, шею. Прикрыв ладонями глаза, он стал равномерно жать на глазные яблоки, словно пытаясь вдавить память на место. Почему-то важнее всего на свете сейчас было вспомнить, где он встретился с Милдред.

– Это не имеет значения. – Она уже встала и прошла в ванную. Монтаг услышал журчание льющейся воды и звук глотка.

– Пожалуй, что не имеет, – согласился он.

Он попытался сосчитать, сколько таких глотков она сделала, и вспомнил о визите двух мужчин с бледными, словно белеными окисью цинка, лицами, с сигаретами в уголках тонких губ и электронноглазой змеей, которая, извиваясь, слой за слоем пронизывала ночь, камень, застоявшуюся весеннюю воду, и ему захотелось крикнуть Милдред: «Сколько ты их приняла сегодня вечером? Этих своих капсул? И сколько примешь еще, не сумев сосчитать? Так и будешь глотать каждый час? Ну, не этой ночью, так следующей! А мне опять не спать – ни этой ночью, ни завтрашней, мне теперь вообще не спать ночами, раз уж это началось...» Он вспомнил, как она лежала на кровати, а над ней столбами стояли те два техника, именно столбами, ни разу не склонились заботливо, все стояли и стояли, сложив на груди руки. И еще он вспомнил, как подумал тогда, что, если она умрет, он, конечно же, не станет плакать, потому что это будет смерть совершенно незнакомого человека, так, лицо в толпе, газетная фотография, и вдруг все показалось ему таким неправильным, таким гадким, что он начал плакать, но не потому, что смерть, а потому, что ему пришла в голову сама эта мысль: она умрет, а я не заплачу, – глупый пустой человек рядом с глупой пустой женщиной, которую голодная змея делала еще более пустой, еще более пустой...

«И когда же ты опустела? – задумался он. – Кто вынимает из тебя содержимое? А еще тот ужасный цветок, одуванчик! Он-то и подвел подо всем черту, разве нет? «Какой позор! Вы ни в кого не влюблены». А что в этом такого?»

Если уж на то пошло, разве нет стены между ним и Милдред? Буквальной стены, и не одной, а целых трех? *Пока трех?* И таких дорогих! Все эти дядюшки, тетюшки, кузены и кузины, племянники и племянницы, они просто живут в этих стенах, болтливая стая древесных павианов, которые не говорят ничего, ничего, ничего, но зато говорят громко, громко, громко! С самого первого дня он прозвал их «родственниками». «Как сегодня поживает дядюшка Луис?» – «Кто?» – «А тетюшка Мод?» На самом деле, он чаще всего представлял себе Милдред в образе маленькой девочки в лесу, лишенном деревьев (как странно!), или даже маленькой девочки, затерявшейся на горном плато, где деревья когда-то были (память об их стволах и кронах еще чувствовалась вокруг): именно так воспринималась она, когда сидела посреди своей телевизионной гостиной. «Гостиная». Вот уж точное подобрали словечко! Когда бы он ни зашел туда, Милдред всегда вела разговоры с «гостями» на стенах:

«Надо что-то делать!»

«Да, надо что-то *делать!*»

«Так что же мы стоим и говорим?»

«Давайте *сделаем* это!»

«Я так взбешен, что хочется *плевать*ся!»

О чем все это? Милдред не могла объяснить. Кто был взбешен и из-за кого? Милдред не вполне понимала. Что именно они собирались делать? «Да ладно тебе, – говорила Милдред, – оставайся здесь и жди, сам все увидишь».

Он оставался и ждал.

Со стен на него обрушивалась страшная гроза звуков. Музыка бомбардировала его с такой силой, что, казалось, кости выдирались из сухожилий; он чувствовал, как вибрируют челюсти, как болтаются в глазницах глаза. Он был готовым пациентом для больницы, диагноз: сотрясение мозга. Когда все стихало, он чувствовал себя как человек, которого сбросили со скалы, потом раскрутили в центрифуге, потом выплюнули в водопад, а водопад этот несся, несся, несся в пустоту, пустоту, пустоту и никогда – не – достигал – дна – никогда – так – и – не – достигал – дна – никогда – никогда – так – и – не – достигал – так – и – не – так – достигал – дна... и ты падал так стремительно, что не успевал дотянуться до стен... вообще... ни до чего... не успевал... дотянуться.

Гроза стихала. Музыка приходил конец.

– Вот, – говорила Милдред.

Это и впрямь было замечательно. Пока играла музыка, что-то успевало произойти. Пусть люди на стенах почти не сдвигались со своих мест, пусть они ни до чего не могли договориться, все равно возникало ощущение, будто кто-то запустил стиральную машину или всосал тебя гигантским пылесосом. Ты буквально тонул в музыке, захлебывался в чистой какофонии звуков. Монтэг выскакивал из гостиной в поту и на грани коллапса. За его спиной Милдред поудобнее устраивалась в кресле, и голоса продолжали:

«Ну, теперь все будет в порядке», – говорила «тетюшка».

«О, не будь столь самоуверенна», – откликнулся «кузен».

«Не сердись!»

«Кто сердится?»

«Ты!»

«Я?»

«Ты сошел с ума!»

«Почему это я сошел с ума?»

«Потому что!»

– Все это очень хорошо! – кричал Монтаг. – Но с чего им сходить с ума? И кто они, эти люди? Кто вот этот мужчина и кто эта женщина? Они что, муж и жена? Или в разводе? Или обручены? Что с ними происходит? Великий Боже, ничто ни с чем не увязывается!

– Они... – поясняла Милдред, – ну, они... в общем, они поссорились. Они часто ссорятся, это факт. Ты бы сам послушал. Мне кажется, они женаты. Да, точно женаты. Так что?

А если это были не три стены плюс четвертая, которая скоро появится, и тогда исполнятся все мечты, тогда это был открытый автомобиль, и Милдред гнала через весь город со скоростью сто миль в час, и он орал на нее, а она орала в ответ, и оба пытались расслышать, что ему или ей говорят, но слышали только рев мотора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.